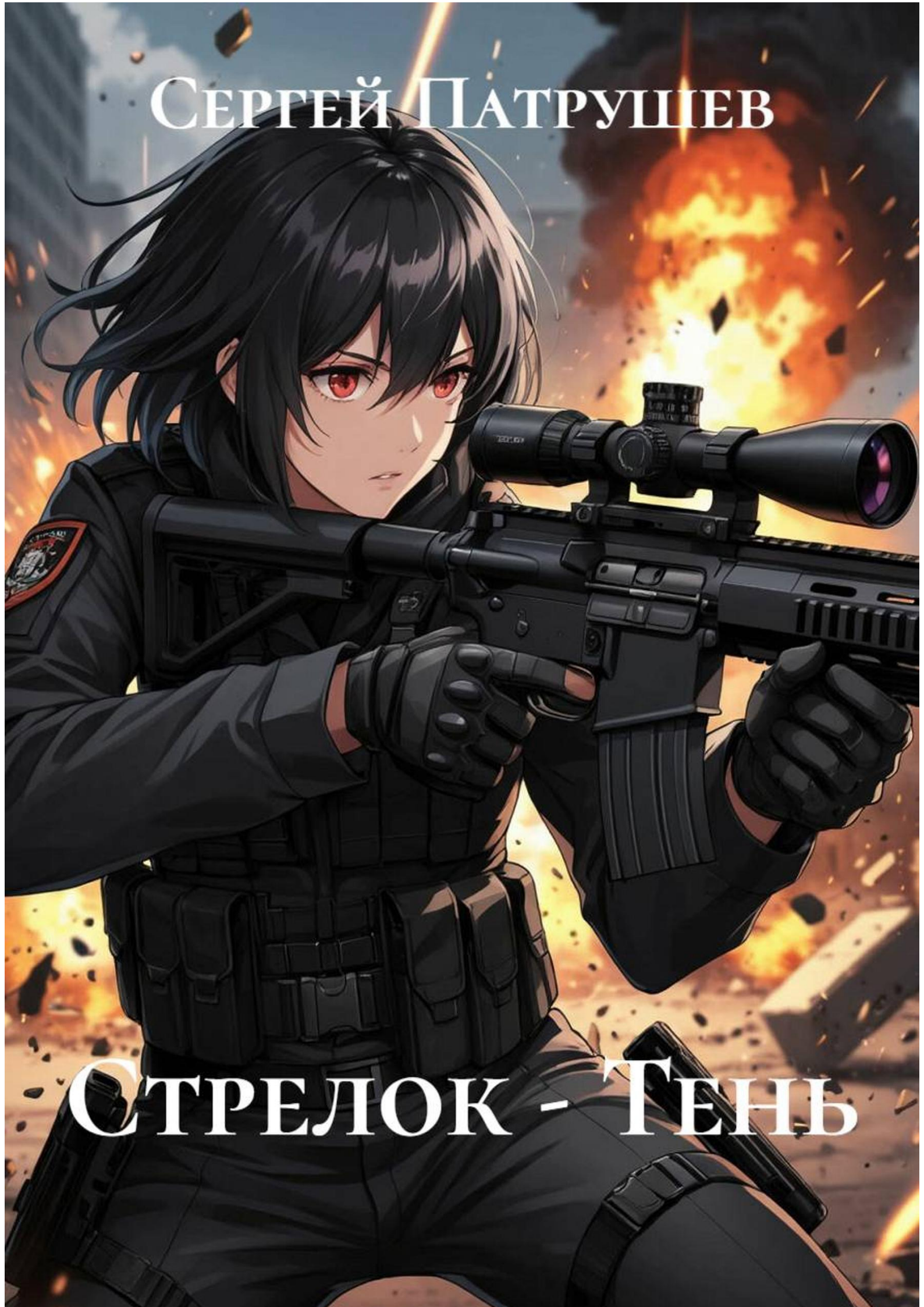

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

СТРЕЛОК - ТЕНЬ

Сергей Патрушев
Стрелок - Тень

«Автор»

2026

Патрушев С.

Стрелок - Тень / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где небо навсегда затянуто пеплом, а радиация стала единственным богом, живёт человек по имени Игорь. У него нет прошлого. Оно сгорело в ядерном огне вместе с нарисованным синим танком и детским смехом. Теперь он Призрак, идеальный инструмент выживания, холодное оружие в руках выжившей фракции «Бастион». Он не чувствует боли, не знает страха и не задает вопросов. Его задача убивать, чтобы другие могли пить чистую воду. Но всё меняется, когда среди мёртвых пустошей он находит Настю. Девушку, чьё сердце ещё способно биться от радости при виде обычного цветка. Она становится его тенью, его балластом и единственной аномалией в выверенном алгоритме его жизни. Когда система, создавшая его, решает списать идеального солдата в утиль, превращая очередное задание в смертельную ловушку, ледяная броня Игоря дает трещину. Чтобы выжить самому и спасти ту, что назвала его по имени, ему придётся нарушить главный закон Пустоши: доверять нельзя никому.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел старого мира	5
Глава 2. Инструмент без души	12
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Стрелок - Тень

Глава 1. Пепел старого мира

Ветер пах озоном, гарью и сухой, мертвой пылью. В мире до Войны этот запах называли бы предвестником грозы, обещанием чистого ливня, который смоем летнюю духоту с раскаленного асфальта. Но здесь не было ни лета, ни зимы в их прежнем понимании. Был только вечный холодный сумрак под свинцовым куполом небес, где солнце давно превратилось в тусклый размытый диск, похожий на забытую кем-то медную монету. Дождь шел часто — черный, маслянистый, оставляющий на коже химические ожоги и выжженные проплешины на земле.

Игорь лежал неподвижно уже шесть часов. Его тело, затянутое в многослойный комбинезон из вываренной кожи, брезента и кевларовых вставок, полностью слилось с рельефом. Он был частью этой руины, таким же куском мертвого бетона, как и обвалившаяся плита перекрытия над его головой. Старый бизнес-центр «Зенит», некогда стеклянная игла, пронзавшая облака, теперь напоминал гниющий зуб. Сорок этажей инженерной гордости прошлого века обрушились внутрь самих себя, оставив лишь рваную бетонную шахту, оплетенную ржавыми жилами арматуры.

Его наблюдательный пункт находился на девятом этаже уцелевшего крыла. Отсюда открывался идеальный вид на площадь перед Центральным вокзалом. Само здание вокзала представляло собой циклопический склеп. Купол из зеленого когда-то стекла осыпался миллиардами осколков, покрыв землю хрустящим ковром, по которому боялись ступить даже слепые падальщики. Шпиль с потухшими часами накренился, грозя рухнуть от любого сильного порыва ветра. Под ним, словно муравьи в сгнившем яблоке, копошились рейдеры банды Хромого.

Цель сидела прямо внизу, в пятнадцати метрах от Игоря. Огромный мужчина, чье имя Игорь даже не пытался запомнить. Зачем? Имя — это привязка, а привязки делают инструмент тупым. Для него он был просто «мишенью». Мишень восседала на импровизированном троне — сваренном из арматурных прутьев кресле, поставленном на капот бронированного грузовика «Тайфун», чудом сохранившегося со времен федеральных войск. На коленях цели покоился ручной пулемет, но стрелять ему приходилось редко. Страх управлял этим сбродом эффективнее любой дисциплины. Рейдеры жгли костры прямо посреди площади, жаря на шомполах куски радиоактивной крысятины. Они пили технический спирт из помятых фляг, хрипло орали песни, смысл которых потерялся вместе с цивилизацией, и били прикладами тех, кто подходил к воде слишком близко.

Хромой правил через животный ужас. Он лично кастрировал последнего начальника станции за то, что тот отказался отдать свой паек. Теперь власть принадлежала силе, лишенной всякой логики. И эта сила мешала «Бастиону» пустить восстановительные поезда по старой ветке Транссиба. Мешала ровно настолько, чтобы фракция спустила заказ на Биржу Услуг Екатеринбурга.

Палец Игоря лег на спусковой крючок СВД-С. Винтовка была старше самого постапокалипсиса. Деревянное ложе потрескалось и впитало кровь трех предыдущих владельцев, складной металлический приклад холодил щеку. Оптика мутновата, линзы пришлось долго полировать пеплом и жиром, но механизм работал безупречно. Патрон калибра 7,62 вошел в патронник мягко, с глухим металлическим щелчком, который тут же поглотило завывание ветра в разбитых окнах.

Расстояние плечевое. Сто двадцать метров. Боковой ветер отсутствовал, термодинамика воздуха в руинах была стабильной. Мертвая зона. Игорю не нужно было делать поправку на деривацию.

Мишень громко заржала, запрокинув голову. Луч заходящего солнца — редкий багровый мазок на сером холсте неба — на мгновение пробился сквозь тучи и отразился в гладкой, выбритой наголо голове лидера рейдеров. Идеальный ориентир. Блик вспыхнул и погас.

Выдох. Задержать дыхание. Сердце стучит ровно, сорок ударов в минуту — результат десятилетий тренировок и химического контроля метаболизма. Мягкий выбор свободного хода.

Тишина лопнула. Не оглушительно, а плотно, упруго. Звук ушел в массивный титановый глушитель, превратившись в короткий хлопок, неотличимый от удара палкой по мокрой резине.

Свинцовая болванка весом почти десять граммов преодолела расстояние за доли секунды. Она вошла точно в переносицу, между удивленно поднятыми бровями. Череп мишень не спасли никакие мутации или толстая лобная кость. Раздался влажный, чавкающий звук. Тело дернулось назад, ударившись о спинку кресла, тяжелый пулемет соскользнул с колен и повис на ремне. Кровь толчками выплеснулась на броню грузовика, мгновенно чернея и сворачиваясь в токсичной пыли.

Никто ничего не понял. Для рейдеров смерть всегда приходила с ножом под ребро или короткой очередью в упор. Концепция полета смерти издавна требовала времени для осознания. Целую секунду площадь жила своей жизнью: один бандит продолжал смеяться над шуткой убитого, другой тянулся за самокруткой.

Игорь начал движение еще до того, как тело окончательно сползло с капота. Никаких лишних движений. Отрыв плеча от пола, плавный перекаат вправо, за колонну. Смена позиции. Он никогда не уходил тем же путем, которым занял точку. Это аксиома.

Он скользнул в пролом стены, перебрался через завал из офисной мебели и спустился по пожарной лестнице во внутреннюю часть здания. Здесь царил абсолютный мрак. Фонарь он не включал. За годы жизни после Войны его глаза адаптировались к темноте так, что сетчатка обычного человека сгорела бы от напряжения. Он видел мир в оттенках глубокого синего и черного, различая каждую трещину в бетоне.

Внизу, в вестибюле первого этажа, слышались первые панические крики. Кто-то заметил отсутствие движения на троне. Кто-то подошел ближе. Началась суеда, зазвучали беспорядочные выстрелы в небо. Поздно. Игоря там уже не было. Он растворился в тенях подвальных коммуникаций, сливаясь с запахом сырости и гниения. Призрак выполнил свою работу.

База «Бастиона» располагалась в недостроенных туннелях метро. Когда началась бомбардировка, городское руководство успело запечатать гермозатворы северного радиуса, законсервировав километры путей, депо и технических станций. Спустя тридцать лет потомки инженеров и рабочих превратили эту консервную банку в самую защищенную крепость на сотни верст вокруг.

Здесь горел настоящий электрический свет. Гулко работали генераторы, работающие на очищенном отработанном масле. Воздух фильтровался старыми армейскими установками, поэтому им можно было дышать без респиратора. По сравнению с поверхностью это место казалось раем, стерильным и безопасным. Но рай имел цену, и платили ее такие, как Игорь.

Он вышел из технического шлюза, предварительно пройдя через дезактивационную камеру, где жесткие ультрафиолетовые лампы обожгли верхний слой его одежды, убивая споры грибков. Охрана — крепкие мужики в одинаковых темно-серых комбезах — знала его в лицо. Никто не спрашивал пропусков. Ствол тяжелого пулемета Печенег проводил его широкую спину равнодушным зрачком пламегасителя.

Диспетчерская находилась на уровне минус три. Низкое помещение, вырубленное прямо в скальной породе, освещенное мерцающими люминесцентными лампами. Повсюду змеились кабели, на самодельных столах стояли мониторы, подключенные к уцелевшим камерам наружного наблюдения города. Пахло озоном, перегретой проводкой и дешевым синтетическим кофе.

За центральным столом сидел Кураторам. Сухой, желчный старик с абсолютно белыми волосами, которые росли только на висках и затылке. Говорили, что во время Войны он был профессором ядерной физики в УПИ. Теперь он распределял смерть. Перед ним стоял терминал, экран которого заливал зеленоватый свет данных.

— Закрыл, — коротко бросил Игорь, останавливаясь в тени дверного проема. Он не снял капюшон. Лицо оставалось в полумраке, видны были только тонкие, бескровные губы и жесткий подбородок, покрытый недельной седой щетиной.

Кураторам даже не поднял головы. Его пальцы быстро забегали по клавиатуре, собранной из деталей десятка разных устройств. — Знаю. Камеры внешнего периметра зафиксировали падение давления в группе. Хромой перестал подавать признаки жизнедеятельности двенадцать минут назад. Его заместитель сейчас пытается насадить на кол писаря, решив, что это он виноват в приступе инсульта вожака. У них хаос. У нас есть окно в трое суток, пока они не выберут нового психопата. Грузовики должны выйти завтра на рассвете.

Игорь молчал. Он смотрел на голую стену слева от стола. Ему было все равно, выйдут грузовики или нет. Его контракт подразумевал ликвидацию конкретной персоны. Устранение препятствий для логистической цепочки фракции входило в зону ответственности людей Куратора, вооруженных автоматами, а не оптикой.

Старик наконец оторвался от экрана. Его бледные, почти бесцветные глаза впились в Игоря. Взгляд был тяжелым, оценивающим, лишенным всякого человеческого тепла. Так мясник смотрит на остро заточенный тесак. — Хорошая работа. Чисто. Ни одного лишнего трупа, охрана даже не успела поднять стволы. Я перевел твой гонорар на счет. Двадцать доз антирада высшей очистки, канистра гидравлики для твоего экзоскелета и разрешение на использование библиотеки архива в течение месяца. Можешь забрать у интенданта.

— Принял, — голос Игоря был ровным, лишенным интонаций. Механический баритон. — Подожди, — Кураторам поднял сухую ладонь. — Не торопись уходить. Есть продолжение.

Игорь медленно повернул голову. Он не любил продолжения. Продолжение означало нарушение протокола, попытку установить личный контакт, влезть в политику. А политика в новом мире заканчивалась одинаково — пулей в затылок в каком-нибудь заброшенном коллекторе. Обычно он отказывался. Всегда находились другие заказы на Бирже. Личные вендетты мелких князьков, устранение конкурентов среди торговцев дурманом, сопровождение караванов. Рынок наемников лихорадило от предложений.

Но сегодня что-то было иначе. То ли давила многометровая толща камня над головой, то ли доза стимуляторов в крови начала падать, обнажая ту пустоту, которую Игорь тщательно утрамбовывал внутри себя годами. Он остался стоять, ожидая.

— Ты слышал о Проекте «Ковчег»? — спросил Кураторам тише, хотя слушать их здесь было некому. — Сказки нижних уровней, — ответил Игорь. — Миф о том, что военные успели запустить ракету с семенами, эмбрионами и чистым генофондом куда-то в Сибирь. Или на Алтай. Местные шаманы используют это, чтобы выменивать еду у дураков.

— Это не сказки, — Кураторам нажал несколько клавиш. Один из боковых мониторов моргнул и показал карту региона. — Три недели назад наша радиоразведка поймала устойчивый цифровой пакет. Зашифрованный, узконаправленный. Источник сигнала находится вот здесь.

Красная точка пульсировала глубоко в Уральских горах, в районе бывшего заповедника Денежкин Камень. Ничейная земля. Место, куда не совались даже самые отчаянные бродяги

из-за аномально высокого фона и агрессивной флоры. — Спутник? — предположил Игорь. — Осколок группировки «ГЛОНАСС». — Нет. Орбитальная группировка умерла в первые часы Войны. Атмосферное трение и каскадный ЭМИ сожрали остатки за месяц. Это наземный маяк. Автономный. Питание — судя по стабильности частоты, какой-то изотопный источник. И самое главное... сигнал повторяет структуру старых военных протоколов связи. Тот самый «Периметр», о котором болтали до Войны. Только вместо запуска ракет он транслирует координаты.

Игорь почувствовал, как привычное онемение дает первую трещину. Интерес. Холодный, аналитический, опасный. Если это правда, если существует база с довоенными технологиями, чистыми фильтрами, возможно, работающими лабораториями... — Вы хотите, чтобы я нашел кабель и вырвал батарею? — уточнил он.

Кураторам издал сухой смешок, больше похожий на кашель. — Мы хотим, чтобы ты нашел вход. Маяк передает данные каждые семьдесят два часа. Судя по мощности, ретранслятор должен находиться в прямой видимости. Значит, где-то там есть пещера, старая шахта или бункер. Нам нужен план объекта. Фотографии подходов. Оценка радиационного фона внутри. Живые образцы местной дряни, если встретишь. Ничего больше. Никакой стрельбы, если тебя не спровоцируют. Это разведка, Игорь. Тихая, как твоя сегодняшняя прогулка по крыше.

— Почему я? — вопрос прозвучал механически, просто чтобы заполнить паузу. Он знал ответ, но правила игры требовали спросить. — Потому что остальные не вернутся, — жестко отрезал старик. — Северный Урал пережевывает экспедиции целиком. Сталкеры Братства Кольца пытались пройти туда год назад. Отправили пятьдесят человек. Через неделю наши сканеры подобрали одну единственную деталь — жетон командира, сплавившийся с грудной пластиной. Температура плавления титана, Игорь. Там что-то очень сильно фонит или очень сильно греет. Наши дроны дальнего радиуса теряют управление из-за магнитных бурь. Нужен человек. Человек, который умеет ходить там, где воздух превращается в стекло, и оставаться незамеченным даже для собственной тени. Нам не нужен герой. Нам нужны твои глаза.

Игорь молчал, переваривая информацию. Оплата. Он всегда начинал с оплаты. — Полный карт-бланш на экспроприацию найденного оборудования. Право первой руки на любую технологию. Плюс тонна чистых антибиотиков. И нейтрализатор химикатов серии «Невод» — мне нужно обновить фильтры дыхания.

Кураторам прищурился, подсчитывая риски и бюджет фракции. — Карт-бланш на периферии объекта. Все, что в центральном ядре — собственность «Бастiona». Антибиотики — восемьсот грамм. «Невод» получишь. Выход — через четыре дня. Нужно подготовить броневик повышенной защиты, чтобы забросить тебя максимально близко к хребту. Дальше пешком. Связи не будет. Стандартный автономный запас — сорок пять суток. Если через сорок пять дней ты не выйдешь на контрольную точку восточнее Ивделя, мы списываем активы.

— Мне не нужна машина, — сказал Игорь. — Колеса привлекают внимание мародеров и хищников. Я пойду старым торговым трактом вдоль реки. Там меньше фонит. До подножия дойду за десять дней. — Как знаешь. Интендант выдаст пайки длительного хранения и расширенную аптечку. Инъекции нейропротекторов тоже возьми, горы давят на сосуды.

Игорь кивнул. Сделка была заключена. Контракт подписан кровью еще до рождения этого мира, он просто обновил дату. — Данные пакета. Частоты. Время следующего выхода на связь, — потребовал он.

Кураторам протянул ему тонкий планшет в герметичном корпусе. — Все здесь. Изучи и уничтожь память устройства перед выходом. Не хватало еще, чтобы рейдеры поняли, что мы нашли золотую жилу.

Игорь взял планшет. Устройство легло в руку привычным весом. Он развернулся, собираясь уйти в жилые блоки за снаряжением. — Игорь, — окликнул его Кураторам в спину.

Наемник замер, не оборачиваясь. — Что случилось с твоей семьей? До Войны. В личном деле прочерк.

Воздух в помещении стал густым. Вопрос был запрещенным. Касаться прошлого в этом мире было опаснее, чем нюхать открытый контейнер с цезием. Прошлое делало слабым. Прошлое заставляло промахиваться.

— Инструмент не имеет биографии, — ровно ответил Игорь. — У гаечного ключа нет матери. У винтовки нет детей. Есть только задача.

Он вышел, не дожидаясь ответа. Шаги гулким эхом отдавались от металлических стен коридора, постепенно затихая.

Кураторам остался сидеть в тишине, глядя на пустой дверной проем. Он тяжело вздохнул, достал из кармана ингалятор и сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Старик знал, что только что отправил на смерть лучшее оружие, которое создала погибшая цивилизация. Но цена Проекта «Ковчег» была слишком высока, чтобы жалеть один изношенный инструмент. Даже если этот инструмент умел разговаривать.

Жилой блок представлял собой бесконечный лабиринт из утепленных морских контейнеров, приваренных друг к другу. Внутри «Бастион» поддерживал железный порядок. Никаких открытых костров, никаких пьяных драк — за это следовала немедленная высылка на поверхность, что было равносильно смертному приговору. Люди здесь двигались быстро, говорили тихо и смотрели либо себе под ноги, либо строго вперед.

Игорь прошел мимо общей столовой, откуда тянуло запахом вареной синтетической сои. Запах вызывал тошноту, но голод давал о себе знать спазмами в желудке. Он игнорировал провожающие его взгляды. Новички пугались его — фигуры без лица, закованной в кожу и сталь. Ветераны уважительно уступали дорогу. Они знали: если этот человек идет по коридору с оружием наперевес, значит, чья-то жизнь снаружи только что закончилась.

Склад интенданта встретил его звоном металла и химической вонью оружейного масла. Помещение было забито стеллажами. Армейские пайки тридцатилетней давности, сваленные в кучу противогАЗы, коробки с дефицитными патронами, детали машин.

Интендант — одноглазый мужик по прозвищу Свищ — дремал на перевернутом ящике, положив ноги на стол. Услышав шаги, он открыл единственный глаз, лениво осмотрел фигуру Игоря и смачно сплюнул в ведро в углу. — Очередной выход? — прохрипел он. — Куда на этот раз? Мусоросжигательный завод чистить? — Северный Урал, — Игорь положил на стол планшет с разрешением от Кураторама.

Свищ мгновенно проснулся. Сонливость слетела с него, как сухая чешуя. Единственный глаз забегал по строчкам документа, палец нервно задержался. — Ковчег... Вот оно что. Старик совсем из ума выжил. Ладно, мое дело маленькое — выдать. Держи.

Он нырнул под стойку и начал выкладывать плотные брикеты. Упаковка из фольги тихонько шипела — внутри поддерживался вакуум. Рационы индивидуального питания: прессованные жиры, углеводы, витамины. Срок годности истек еще до того, как отец Игоря научился читать, но консервация была качественной. При желании ими можно было питаться еще лет десять. — Две упаковки по пятнадцать суточных норм, — считал Свищ. — Гидратационные таблетки. Обеззараживатели для воды — две сотни штук. Аптечка класса «Элит»: гемостатики широкого спектра, морфий военной очистки, антибиотики, регенеранты тканей. Нейропротекторы — упаковка на тридцать инъекций. Больше не дам, самому мало.

Игорь методично укладывал имущество в боковые под сумки своего рюкзака-станка. Конструкция ранца позволяла распределить вес так, чтобы центр тяжести не смещался даже при беге и перекатах. — Броня? — Экзоскелет «Шерп-М» в порядке, ты его сам вчера смазывал, — отозвался Свищ, переходя к огнестрелу. — Фильтрующие маски с активированным углем —

три комплекта. Баллоны с кислородом для замкнутого цикла... держи последний резервный, береги его. Теперь железо.

Интендант откинул крышку оружейного сейфа. — Основное? — Моя СВД в норме. Нужен пистолет. Надежный. И нож.

Свищ выложил на стол АПСБ в деревянной кобуре-прикладе. Бесшумный автоматический пистолет Стечкина с интегрированным ПБС. Старая, проверенная машинка. Рядом лег НР-43 «Вишня» — штурмовой нож разведчика с симметричной гардой. Идеальный баланс для метания и рукопашного боя. — Патроны? — спросил Игорь, проверяя ход затворной рамы пистолета. — Семь шестьдесят две целевые — сто штук. Девять восемнадцать Макаров — три обоймы. Это всё. Гильзы пустые оставлять будешь — принеси, переснарядим. Капсюлей у нас кот наплакал.

Игорь кивнул. Боеприпасы стали валютой дороже золота. Золото вообще потеряло смысл; единственной ценностью были чистая вода, работающий аккумулятор и острый кусок металла.

Когда рюкзак был укомплектован, Игорь защелкнул последние карабины разгрузочной системы. Вес чувствовался, но не тяготил. Он привык носить на себе половину своего тела. — Проверь фильтр-анализатор внешней среды, — попросил он.

Свищ достал со стеллажа плоский прибор размером с ладонь. Включил его. Тонкая игла индикатора дрогнула и поползла по шкале. — Фон нормальный для базы. Два миллирентгена. На поверхности сейчас, должно быть, все двадцать-двадцать пять хлещет из-за черной пыли. Химическая угроза — фенолы, продукты горения пластика. Незначительно. Датчик движения и тепловизор батарееку жрут? — Тепловизор берет питание от аккумулятора спины. Датчик автономный, сменил батарею перед прошлым выходом.

Они закончили проверку в молчании. Профессиональный ритуал, лишенный эмоций. Врач готовит больного к операции, механик — машину к дальнему рейсу.

Игорь повесил нож на бедро, пистолет разместил под мышкой так, чтобы рукоять смотрела вверх — идеальное положение для быстрого извлечения левой рукой. Основную винтовку он нести в руках не стал, закрепив ее за спиной вертикально, прикладом вниз, чтобы она не мешала проходить в низких тоннелях. — Я ухожу, — сообщил он. — Угу, — Свищ снова плюнул в ведро и вернулся к своему ящику. — Захочешь вернуться — трижды постучи азбукой Морзе в южный гермошлюз. Код старый. Иначе прожектористы примут тебя за упыря и снимут из крупняка.

Дверь склада закрылась с тяжелым лязгом, отрезая звуки базы. Игорь остался один в гулком переходе.

Он прислонился спиной к холодной рифленой стене контейнера. Достал из внутреннего кармана плоскую металлическую фляжку. Открутил крышку. Внутри плескалась не вода. Крепчайший первач, выгнанный из плесневелого зерна. Алкоголь в таких дозах действовал как мощный анестетик для нервной системы.

Он сделал маленький глоток. Жидкость обожгла пищевод, теплом растекаясь по груди. Мир вокруг слегка качнулся, краски потеряли свою убийственную контрастность.

Закрыв глаза, Игорь позволил воспоминаниям прорвать плотину. Всего на секунду. Нарушил собственное правило.

Запах яблоневого цвета. Не той ядовитой химии, которой воняли некоторые теплицы «Бастиона», а настоящего, живого аромата. Маленькая ручка в его ладони. Женский смех, звонкий, как разбивающееся стекло. Солнце. Настоящее, желтое, теплое солнце, от которого не болит кожа и не вытекают глаза.

«Папа, смотри! Я нарисовал танк!» — крикнул детский голос в его голове.

Игорь резко выдохнул, открыл глаза и сделал большой глоток из фляги, запивая воспоминание спиртом. Боль отступила, спряталась обратно в ледяной сундук на дне души.

Яблоневый цвет сгорел в ядерном огне вместе с городом. Вместе с танком, нарисованным неумелой детской рукой. Вместе с женщиной, которая пыталась закрыть сына своим телом.

Инструмент не имеет права помнить. Память заставляет сомневаться. Сомнение ведет к ошибке. Ошибка означает конец контракта. А контракт — единственное, что удерживает его от того, чтобы приставить ствол собственного АПСБ к небу и нажать спуск.

Он оттолкнулся от стены. Суставы тихо хрустнули. Он поправил лямки рюкзака, подтянул ремешок шлема-маски, висевшего на поясе. Надевать его пока не имело смысла, атмосфера базы была безопасной.

Северный Урал. Проект «Ковчег». Возможно, там действительно есть чистые семена. Возможно, там можно начать заново. Игорю было плевать на возрождение человечества. Ему не было дела до миллионов умирающих от лучевой болезни детей в трущобах Нижнего Тагила или Перми.

Но если технологии «Ковчега» позволят создать фильтры, которые не нужно менять каждый месяц... Если они дадут способ синтезировать топливо, которое не замерзает при минус пятидесяти... Это сделает «Бастион» сильнее. А сильный «Бастион» лучше контролирует торговые пути. А контролируемые пути означают меньше шакалов на дорогах. А меньше шакалов — выше вероятность, что какой-нибудь одиночка вроде него сможет прожить чуть дольше.

Логика была железной. Эгоистичной. Единственно возможной в мире, состоящем из пепла.

Игорь пошел к техническому выходу — старой вентиляционной шахте, заваренной снаружи фальшивой решеткой. Там, за пределами стальной скорлупы «Бастиона», его ждал серый, мертвый мир. Его ждали двести километров отравленной земли, радиоактивные леса и горы, хранящие свои тайны.

Он становился призраком. Шелест ткани, мягкое касание подошвы о бетон, ровное, замедленное дыхание. Ни одна песчинка не скрипнула под его ботинками.

Контракт вступил в силу.

Глава 2. Инструмент без души

Тьма за гермозатвором была абсолютной. Здесь, в вентиляционной шахте старого метрополитена, не существовало даже того тусклого серого сумрака, что царил на поверхности. Свет переносного фонаря Игоря выхватывал из черноты лишь метр ржавой арматуры и сочащиеся влагой бетонные стены. Капли падали вниз с монотонностью метронома — единственный звук, нарушавший мертвую тишину базы «Бастиона», когда он оставался один.

Он двигался по скоб-трапу вверх. Двадцать метров вертикального подъема требовали работы мышц спины и пресса, руки оставались свободными. В правой ладони привычно лежала рукоять ножа, левая проверяла крепления рюкзака. Каждый шаг был рассчитан до миллиметра. Скрежет металла о металл мог выдать его позицию патрулю Братства Кольца, чьи заставы начались уже через три километра к северу от периметра фракции.

Подъем закончился квадратным люком технического этажа. Игорь замер, прижавшись ухом к холодному металлу. Снаружи шел дождь. Не черный химический ливень, а обычный осенний моросящий дождь, но даже его капли, падая на радиоактивную пыль, превращались в ядовитый бульон.

Люк поддался беззвучно. Петли были смазаны накануне смесью графита и свиного жира. Игорь выполз на крышу трансформаторной будки, огороженной проржавелым забором-рабицей. Отсюда открывался вид на промзону «Вторчермета» — кладбище старой цивилизации.

Небо было цвета мокрого пепла. Руины цехов тянулись к нему обгоревшими ребрами ферм. Между ними вила поземка из черной пыли. Город Екатеринбург умер тридцать лет назад, но его труп все еще разлагался, источая миазмы радиации и отчаяния. Где-то далеко, на западе, мерцало зеленоватое зарево — там бушевал постоянный грозовой фронт над озером Карачай, самым грязным местом планеты.

Игорь опустил на глаза прибор ночного видения. Мир окрасился в болезненные оттенки салатного и черного. Он стал призраком окончательно. Ни одна травинка-мутагенка, пробившая асфальт, не дрогнула под его весом. Он перетекал через завалы битого стекла и перекрученного железа, используя акустические тени — зоны, куда не долетал свист ветра в арматуре. Для сканеров рейдеров он был просто очередным температурным колебанием остывающего бетона.

Память ударила под дых внезапно, прямо посреди перебежки через открытый перекресток. Мозг, перегруженный дозой стимуляторов перед выходом, иногда давал сбои, выпуская ледяные воды подсознания на поверхность.

Солнце. Оно жгло макушку сквозь открытое окно офиса юридической фирмы. Кондиционер работал на полную, но июльская жара плавил асфальт за стеклом. Пахло свежесваренным кофе и дешевым тонером для принтера. — Игорян, подпиши! — раздался веселый голос Сани из-за монитора. — Клиенты требуют акт приемки сегодня, иначе бухгалтерия не пропустит оплату.

Игорь, тогда еще просто Игорь Волков, тридцати пяти лет от роду, старший юрист по корпоративному праву, лениво потянулся в кресле. Позвоночник хрустнул. На столе стояла фотография в рамке: он, Лена и пятилетний Мишка на фоне цветущей сакуры в Аптекарском огороде. Жена смеялась, щурясь от солнца, а сын пытался засунуть в кадр целого голубя. — Пусть подождут, — улыбнулся Игорь. — У нас обед. Пойдем в ту новую кофейню? Там делают раф с лавандой. — Раф — это бабья блажь, — фыркнул Саня, но компьютер уже выключал. — Но я согласен. Только галстук сними, выглядишь как гробовщик.

Они спустились на лифте в холл бизнес-центра. Зеркальные двери разъехались, впуская уличный шум мегаполиса. Гудели машины, кто-то говорил по громкой связи, пахло выхлоп-

ными газами и скорой грозой. Обычный вторник. Самый обычный, самый счастливый день в его жизни, хотя он этого еще не знал.

Саня придержал дверь, пропуская девушку с коляской. — Аккуратнее, мир сошел с ума, — пошутил он. — Скоро будем дышать через фильтры...

Визг тормозов. Резкий, рвущий уши звук клаксона. Не автомобильного — тоскливый, воющий сигнал гражданской обороны, который никто никогда не слышал вживую, кроме как в старых фильмах.

Мир вокруг замедлился. Люди на улице начали задирать головы к небу. Небо на юге стало белым. Не облачным, а ослепительно, физически белым, словно кто-то включил гигантскую сварку прямо за горизонтом.

Ударная волна пришла не сразу. Сначала погас свет во всем квартале. Электромагнитный импульс выжег микросхемы машин, остановив их на полном ходу. Телефоны в руках людей превратились в куски мертвого пластика.

А потом воздух ударил.

Игоря швырнуло на асфальт лицом вниз. Стеклопанель бизнес-центра взорвалась миллионами лезвий. Он почувствовал, как осколок рассекает кожу на затылке, но боли не было. Был только животный, первобытный ужас. Инстинкт, древнее человеческой речи, орал одно слово: «Жить».

Он пополз. Под припаркованный внедорожник. Металл кузова загудел от второго удара — где-то в центре города расцвел первый ядерный гриб. Вспышка просвечивала даже сквозь днище машины, сквозь закрытые веки. Жар сменился леденящим холодом. Тень от высотки накрыла улицу, спасая тех, кто успел спрятаться, от первого теплового излучения. Тех, кто стоял на открытом месте, испепелило мгновенно или оставило гореть, как живые факелы.

Грохот стих, сменившись низким, давящим гулом. Началась пылевая буря. Черный снег — пепел сгоревших зданий и испарившихся людей — посыпался с неба.

Игорь выбрался из-под машины спустя час. Его дорогой костюм превратился в лохмотья. Правая рука висела плетью — открытый перелом лучевой кости. Глаза слезились от пыли, которую нельзя было стирать руками.

Он пошел обратно к офису. Вернее, к тому месту, где он был. Бизнес-центра больше не существовало. На его месте зиял дымящийся кратер.

Его нашли выжившие военные через два дня. Группа дезертиров, мародерствующая в развалинах. Они забрали его в свой лагерь в подземном паркинге торгового центра. Там ему вправили кость, наложив грубый шину из пластиковых стяжек, и дали банку просроченных консервов. Взамен потребовали отработать. Первым делом они отправили его чистить сортир куском колючей проволоки.

Там же, в том паркинге, он узнал правду. Лена работала в торговом комплексе рядом с вокзалом. Мишка был с ней. Эпицентр третьей боеголовки пришелся точно на привокзальную площадь. От них не осталось даже теней на бетоне, которые видели жертвы Хиросимы. Давление в несколько атмосфер просто стерло их молекулы, превратив в часть той самой черной пыли, что сейчас скрипела у Игоря на зубах.

В ту ночь, сидя на корточках в углу сырого бокса, глядя на свои ободранные в кровь руки, Игорь принял решение. Умереть было проще всего. Многие выбирали этот путь — петля из провода, лезвие ножа, отказ от фильтрованной воды.

Но смерть казалась слишком легким выходом. Слишком милосердным.

Чтобы выжить в мире, где каннибализм становился нормой, а литр чистой воды стоил дороже автомата, нужно было уничтожить в себе человека. Эмоции — страх, жалость, любовь, гнев — сжигали калории быстрее, чем бег. Сердцебиение от ярости выдавало позицию ночным тварям. Слезы слепили. Привязанность делала уязвимым.

Игорь начал методично убивать себя прежнего. Он перестал давать вещам имена. Нож стал инструментом номер четыре. Огонь — источником тепла. Другие люди — факторами угрозы или ресурсами. Он научился спать по двадцать минут каждые четыре часа, сохраняя бдительность. Он тренировался терпеть боль, пока нервные окончания не сгорели от постоянного стресса, превратив его тело в бронированную машину.

Через полгода после Войны он убил своего первого человека. Одного из тех самых мародеров, что взяли его в плен. Тот попытался забрать у Игоря последнюю таблетку антибиотика. Игорь свернул ему шею голыми руками так же спокойно, как до Войны перелистывал страницы договоров. Внутри ничего не щелкнуло. Никакого морального выбора. Просто устранение препятствия между собой и ресурсом.

Так родился Инструмент.

Голос вырвал его из транса. Глубокий, прокуренный бас, привыкший отдавать команды в условиях артобстрела. — Опять завис, Призрак?

Полковник Соколов стоял у края крыши, опираясь на трость. Сам полковник передвигался с трудом — обе ноги ниже колена были заменены кустарными протезами из титана и автомобильных амортизаторов, добытых в автосервисе. Левый глаз скрывала плотная кожаная повязка, под которой пульсировал красный диод кибернетического импланта. Ему было около шестидесяти, но выглядел он на все восемьдесят. Выжженная земля старит быстро.

Игорь плавно, без резких движений, снял очки ПНВ и поднял их на шлем. Лицо Соколова скрылось в полумраке капюшона тяжелого плаща химзащиты. — Проверял сектора, — ровным голосом ответил Игорь. — Ты смотрел в одну точку десять минут. Если бы внизу были сектанты Красного Обелиска, твоя голова уже украшала бы их алтарь вместе с черепами собак.

Соколов тяжело оперся на перила, глядя на руины. Полковник командовал боевым крылом «Бастиона». Он ненавидел таких, как Игорь — тихих убийц, работающих в одиночку. Для Соколова война была искусством больших батальонов, маневра и артиллерии. Но реальность нового мира диктовала свои условия. Когда нужно пройти туда, где завязнут танки и погибнет рота спецназа, приходилось звать мертвеца.

— Я собрал данные по твоему последнему выходу, — Соколов достал помятую металлическую фляжку, открутил крышку и сделал глоток. Запах дешевого самогона ударил в нос даже Игорю. — Хромой убит чисто. Три контрольных года ты работаешь на нас. Ни одного свидетеля. Ни одной ошибки. Местные шепчутся, что тебя родила сама Радиация в четвертом энергоблоке. — Мне плевать, что они шепчут, — Игорь переступил с ноги на ногу, меняя опорную точку. Старые привычки диверсанта требовали постоянно двигаться. — И мне плевать, — кивнул полковник. — Пока твой психопатический профессионализм приносит плоды. Но есть проблема, Призрак. Проблема, которая требует чуть больше профессионализма, чем выстрел в лоб алкоголику на грузовике.

Соколов выпрямился. Его фигура излучала властность, которую не могли сломить ни инвалидность, ни конец света. — Фильтровальная станция «Север-4». Знаешь, где это? — Бывший водоканал в районе Шарташских камушков. До Войны снабжал половину Верх-Исетского района. Сейчас зона отчуждения. Фон скачет от двухсот до тысячи рентген в час из-за разрушенного хранилища изотопов в НИИ поблизости. Плюс гравитационные аномалии. Техника там глохнет, компасы сходят с ума. — Именно, — подтвердил Соколов. — Станция законсервирована идеально. Корпуса реакторов целы. Главная насосная стоит сухая, но механизмы в масле. Если запустить дизель-генераторы и почистить сорбенты, мы получим две тысячи кубометров чистой артезианской воды в сутки. Это решит проблему жажды для трех фракций разом. Мы сможем диктовать условия всему восточному сектору. Золото, патроны, топливо — всё будет нашим.

Полковник сплюнул тягучую слюну на край крыши. — Две недели назад разведгруппа Кости-Бульдога пошла туда на рекогносцировку. Десять человек. Все ветераны, штурмовики. Лучшие из лучших. Их нашли через три дня. Соколов помолчал, глядя на серый горизонт. — Вернее, нашли то, что от них осталось. Оружие снято. Броня аккуратно сложена стопочками. А сами ребята... Костя сидел у главного пульта управления. Его прибили к креслу железно-дорожными костылями. Живого. Выпотрошили, набили брюшную полость землей и посадили туда крысу-мутанта. Она сожрала его печень изнутри, пока он был в сознании. Остальных развесили на арматуре станции вниз головой. Кровь выпустили полностью, собрали в пластиковые канистры. Никаких следов борьбы. Они просто сдались.

Игорь молчал. Описание ритуала было знакомым. Красный Обелиск. Новая религия постапокалипсиса. Сектанты верили, что ядерный огонь был очищением, посланным Богом Машин. Радиацию они называли «Святым Дыханием». Чистая вода считалась скверной, разбавляющей святую отраву. Захват фильтрационной станции был для них святотатством и великой победой одновременно. — Сколько их там? — спросил Игорь. — Никто не знает. Разведка дронов показывает постоянное движение в главном зале, но тепловые сигнатуры искажаются фоновым излучением. Может быть пятьдесят. Может быть пять сотен. Они фанатики, Призрак. Им плевать на жизнь. Они выходят под дождь без защиты, чтобы доказать свою веру, и гниют заживо, славя Излучателя. Автоматическая очередь их только радует — мученичество приближает их к Великому Котлу.

Соколов повернулся к Игорю. Свет единственного рабочего прожектора базы отразился в стекле его кибернетического глаза. — Штурм невозможен. Посылать туда отряд — значит подарить им новых идолов для пыток. Артиллерии нет, здание станции глубоко встроено в скальный массив. Нужен скальпель. Нужно войти внутрь, добраться до серверной, активировать систему аварийного сброса давления в накопителях и заблокировать внешние шлюзы. Когда они окажутся заперты в залах с высоким радиационным фоном, их вера быстро столкнется с законами физики. Лейкемия не обращает внимания на молитвы. Через неделю те, кто выживет внутри, сами откроют нам двери, умоляя о противорадиационных препаратах. Станция будет наша. Без единого выстрела снаружи.

Задача была самоубийственной. Проникнуть в сердце аномальной зоны, кишасей религиозными фанатиками, способными передвигаться бесшумно, как змеи. Пройти уровни радиации, от которых обычная защита распадется в труху за часы. Заблокировать систему изнутри. Обычный человек запросил бы взвод поддержки, экзоскелет тяжелой защиты и эвакуационный вертолет.

Игорь посмотрел на свои руки. Затем перевел взгляд на полковника. — Оплата, — сказал он. Соколов усмехнулся, обнажив металлические фиксы вместо зубов. — Вот за это я тебя и ценю, Призрак. Ни вопросов о морали, ни вздохов о тяжести бытия. Сразу к делу. Что хочешь? У нас появился ящик американских армейских рационов MRE десятилетней давности. Настоящее мясо, говорят. — Нет, — отрезал Игорь. — Еда — это расходник. Мне нужен доступ к архивам службы безопасности «Бастиона». Полный. Код допуска Альфа. Меня интересуют материалы проекта «Морфей» и списки сотрудников Уральского научного центра, переведенных в правительственное убежище за сорок восемь часов до ударов.

Повисла тяжелая пауза. Соколов нахмурился. Проект «Морфей» был темной легендой корпорации, создавшей «Бастион». Эксперименты над человеческим мозгом, попытки создать идеального солдата путем отключения болевых центров и эмпатии хирургическим путем. Доступ уровня Альфа имел только совет старейшин фракции. — Ты копаешь под собственное руководство, Призрак, — медленно произнес полковник. — Зачем тебе эти призраки? Собираешься найти своих детей в списках замороженных эмбрионов? — Это не ваше дело, полковник, — голос Игоря остался таким же пустым, но в нем прорезался металл, от которого даже издавшему виды Соколову стало не по себе. — Это моя оплата. Информация эквивалентна

стоимости моей жизни, которую вы запрашиваете для этой миссии. Решайте. Или штурм с потерями, или мой нож и ваши секреты.

Соколов долго смотрел на него. В этом взгляде читалось сложное чувство, смесь страха, уважения и глубокого отвращения. Перед ним стоял идеальный хищник. Машина, упакованная в человеческую оболочку. Монстр, необходимый для выживания остатков человечества. — Хорошо, — наконец выдохнул полковник. — Если вернешься, код доступа будет ждать тебя у Кураторама. Старик будет в бешенстве, но приказ подпишет. Деваться ему некуда. Вода важнее амбиций яйцеголовых. — Аванс, — потребовал Игорь.

Соколов отстегнул от пояса небольшую поясную сумку. Протянул ее наемнику. — Карты местности со спутника до Войны. Три инъекции экспериментального блокатора нуклидов — выдержишь тысячу рентген в течение часа. И ключ-карта от резервного входа в коллекторы станции. Вход затоплен, но дренажные насосы в третьем секторе рабочие. Проплывешь под водой триста метров. По расчетам инженеров, это единственное слепое пятно в системе наблюдения Обелиска.

Игорь взял сумку. Вес груза изменился, центр тяжести сместился ниже. Он привык адаптироваться мгновенно. — Время выхода? — Закат. Когда начнется первая фаза активности мутантов, охрана сектантов расслабится. Они боятся тьмы снаружи больше, чем демонов внутри. Используй это. — Мне понадобится проводник до границы зоны. — Проводника не дам, — жестко отрезал Соколов. — Любой лишний человек — это шум, запах и потенциальная угроза. Ты пойдешь один. Таков протокол операции «Скальпель». До периметра красных камней дойдешь пешком. Дальше начинается территория, где законы биологии пишут сумасшедшие. Включай мозги, если они у тебя остались, Призрак.

Полковник развернулся, собираясь уйти. Его тяжелые шаги по рифленому железу звучали как удары молота. — Полковник, — окликнул его Игорь. Соколов остановился, не оборачиваясь. — Почему они оставили в живых Костю? Зачем прибивать его к креслу? Это неэффективная трата времени и ресурсов. Соколов издал сухой, лающий смешок. — Потому что ты мыслишь как солдат, Призрак. А они мыслят как проповедники. Они хотели показать нам, что наши лучшие бойцы — ничто перед их богом. Они пришили его, как бабочку в коллекции. Демонстрация силы. Но они забыли, что коллекцию можно сжечь. Вместе с коллекционером.

Когда шаги полковника затихли внизу, Игорь подошел к краю крыши. Он сел на корточки, уперевшись спиной в кирпичную трубу вентиляции. Достал из внутреннего кармана плоский предмет, завернутый в промасленную ткань.

Это была та самая детская открытка. Рисунок танка синим фломастером. Бумага пожелтела, стала хрупкой, пропиталась запахом дыма и смерти. Уголок слегка оплавился. Игорь провел пальцем по нарисованным гусеницам.

Он не чувствовал ничего. Когда он смотрел на рисунок, в груди не сжималось. Не хотелось мстить. Не текли слезы. Там, где раньше билось сердце, теперь находился холодный, работающий механизм. Часы, отсчитывающие время до конца задания.

Он закрыл глаза и позволил воспоминаниям прийти снова. Не потому, что хотел страдать, а потому, что боль прошлого была единственным топливом, которое заставляло этот механизм вращаться.

«Папа, смотри!»

Голос сына эхом прокатился по пустой крыше.

Игорь открыл глаза. Слеза действительно скатилась по его щеке — едкая, соленая. Но она была вызвана не скорбью. Сухой, прокаженный воздух руин разъедал слизистую оболочку. Простая физиология. Реакция организма на раздражение. Такой же рефлекс, как отдергивание руки от огня.

Он бережно завернул открытку и убрал ее обратно. Застегнул клапан нагрудного кармана на липучку. Звук получился резким, отрывистым в наступающих сумерках. *P-p-rip*. Звук инструмента, готовящегося к работе.

Закат принес с собой ветер. Западный ветер нес облака черной пыли со стороны Карачая. Видимость упала до нуля. Для обычного человека это означало слепоту и гарантированную смерть через полчаса от поражения легких. Для Игоря это был лучший камуфляж из возможных. Природа надела маску, идентичную его собственной.

Он встал. Попрыгал на месте, проверяя отсутствие лязга снаряжения. Всё было пригнано идеально. Накинул на голову глубокий капюшон, плотно обмотал нижнюю половину лица многослойным шарфом-банданой. Оставил открытыми только глаза, на которые тут же легли тактические очки с желтым светофильтром.

Спуск занял меньше минуты. Он соскользнул по пожарной лестнице, гася инерцию касаниями подошв, и приземлился в кучу прелой листвы абсолютно беззвучно.

Периметр «Бастiona» охранялся пулеметными гнездами. Игорь не стал выходить через главные ворота. Он подошел к участку забора, где прутья арматуры были выломаны взрывом много лет назад. Просочился в щель, ширина которой едва превышала ширину его плеч.

Здесь начиналась ничейная земля. Серая полоса шириной в километр, простреливаемая снайперами обеих сторон. Место обитания одичавших собак и безумцев-одиночек.

Игорь вдохнул полной грудью. Воздух вонял гарью, озоном и разложением. Дом. Единственный дом, который у него остался.

Он растворился в темноте. Ни одна ветка не хрустнула под его ногами. Ни один камень не вылетел из-под подошвы. Он не дышал в такт шагам, контролируя объем легких. Он стал сквозняком, струйкой токсичного дыма, ползущей по земле.

До Шарташских камушков было двенадцать километров по прямой. Через территорию, контролируемую бандами мелких князьков, каждый из которых считал себя хозяином двух разбитых панельных домов.

Первый контакт произошел через сорок минут.

Двое дозорных сидели у перевернутого ларька, укрываясь от ветра. Один грел руки над химической грелкой, второй смотрел в старый бинокль с треснувшей линзой. Они пили спирт и громко обсуждали какую-то Маринку из соседнего подвала.

Игорь обошел их по широкой дуге через руины магазина электроники, пройдя прямо через провал в полу, забитый битыми кинескопами. Битое стекло предательски заскрипело под его ботинком именно в тот момент, когда налетел порыв ветра.

Дозорные замолчали. Один вскинул автомат АКСУ. — Кто здесь? Выходи!

Игорь замер. Он стоял в десяти метрах от них, скрытый грудой телевизионных экранов. Он перестал существовать. Замедлил сердцебиение до минимума, сливаясь с ритмом умирающего города. Он ждал.

Выдержка победила паранойю. Холод заставил дозорного опустить оружие. — Показалось, — буркнул он. — Пошли, Михалыч, задубеем. Говорят, Обелиск сегодня ночью кого-то на кольях выставил у Камней. Надо успеть хабар снять до прихода Стервятников.

Они ушли, кашляя и матерясь. Игорь выждал еще пять минут, считая секунды про себя. Методичный счет помогал держать разум в узде, не давая старым инстинктам самосохранения взять верх.

Он продолжил путь.

К полуночи он достиг границы красного сектора. Земля здесь изменилась. Она перестала быть серой. Вулканический туф и гранит скал приобретали багровый оттенок из-за высокого содержания окислов железа, вступивших в реакцию с осадками тяжелых металлов. Растительность здесь тоже была другой. Деревья стояли без листьев, их ветви напоминали черные кроветеносные сосуды, а кора блестела, будто покрытая лаком.

На одном из таких деревьев, на высоте третьего этажа, висел первый знак Обелиска. Череп собаки, насаженный на арматуру. Глазницы были заполнены застывшей кровью, в которую воткнули пучки медной проволоки. Мерцающая в лунном свете инсталляция. Предупреждение.

Игорь прошел мимо, не удостоив конструкцию взглядом. Искусство фанатиков его не интересовало. Его интересовала геометрия пространства.

Впереди, в низине, возвышались циклопические цилиндры фильтровальной станции. Даже в ночи они подавляли своими размерами. Советская гигантомания, воплощенная в бетоне и титане. Главный вход сиял светом. Сектанты установили там мощные прожекторы, работающие от портативного реактора. У ворот ходила стража — фигуры в тяжелых балахонах из мешковины, прошитой листами свинца. Поверх балахонов — красные трафаретные печати Обелиска: спираль, вписанная в треугольник.

Игорь залег на гребне холма, достав электронный дальномер. Он сканировал периметр. Датчики движения реагировали на крупных существ. Тепловизор показывал хаотичное скопление пятен в караулке.

Резервный вход, о котором говорил Соколов, находился с северной стороны, у подножия очистного отстойника. Официально он считался заваленным при землетрясении тридцатилетней давности.

Игорь начал спуск. Трава здесь росла густая, маслянистая на ощупь. Она цеплялась за одежду. Пришлось достать мачете. Каждое движение клинка сопровождалось тихим, влажным звуком. Игорь резал стебли максимально близко к корню, чтобы уменьшить амплитуду колебания растения. Некоторые виды местной флоры обладали примитивной нервной системой и могли передать сигнал тревоги дальше по колонии.

Он достиг основания бетонного куба отстойника. Огромная плита, закрывавшая технический лаз, действительно съехала в сторону, открывая черную пасть туннеля. Изнутри тянуло сыростью, дерьмом и характерным металлическим привкусом радиации высокой плотности.

Игорь надел изолирующий респиратор с двойными картриджами. Щелчок клапанов прозвучал в тишине как выстрел. Он закрепил налобный фонарь, предварительно заклеив стекло кусочком полупрозрачного скотча — яркий луч в такой мгле виден за километры. Теперь свет был тусклым, желтоватым, достаточным только для того, чтобы видеть собственные ноги.

Вода встретила его на первых же ступенях. Ледяная, стоячая, доходящая до колен. Уровень поднимался. Туннель уходил вниз под углом в сорок пять градусов. Игорь включил герметичный наручный планшет. Старая карта канализационных сетей «Бастиона» подсветила маршрут зеленым. Основной коллектор должен был вывести его прямо под фундамент насосной станции.

Плыть пришлось почти сразу. Свод туннеля опустился, оставив лишь пятнадцать сантиметров воздушной прослойки. Игорь задержал дыхание, погрузившись с головой. Темнота и давление сдавили барабанные перепонки. Он ориентировался на ощупь, скользя ладонью по шершавому бетону лотка.

Триста метров под водой. Легкие начали гореть. Химия крови сигнализировала о критическом уровне углекислого газа. Паника — главный враг ныряльщика. Игорь проигнорировал сигналы мозга. Он отключил рецепторы дискомфорта. Тело продолжало работать на запасах кислорода в мышцах, экономя каждую молекулу для мозга.

Рука провалилась в пустоту. Завал кончился.

Он вынырнул бесшумно, подтянувшись на край обрушившегося перекрытия. Выпустил воздух через клапан респиратора, чтобы не бултыхать воду. Очутился в сухом техническом канале.

Здесь фон был чудовищным. Дозиметр на предплечье тихо защелкал, набирая обороты. *Шелк-шелк-шелк-ищиииш...* Индикатор перешел в красный спектр. Тысяча двести рентген в час.

Если он задержится здесь дольше двадцати минут без блокады, его костный мозг превратится в жидкую кашу.

Игорь достал шприц-тюбик с экспериментальным препаратом Соколова. Сорвал зубами колпачок. Прижал иглу к бедру прямо сквозь штанину и надавил на поршень. По венам растекался жидкий азот. Кожа потеряла чувствительность. Ядро клетки получило защиту на клеточном уровне — полимеры препарата связывали свободные радикалы, не давая радиации разрушать ДНК. Боль ушла. Страх ушел. Осталась только звенящая ясность. Препарат попутно стимулировал выработку адреналина и кортизола, переводя организм в режим берсерка.

Он поднялся во весь рост. Канал привел его к вертикальной металлической лесенке. Наверху был круглый люк с надписью «ПУ-3. Насосная. Посторонним вход воспрещен». Люк оказался не заперт. Сектанты полагались на внешнюю охрану и радиацию как на лучшую тюремную стену.

Игорь толкнул крышку головой. Она поддалась с ржавым скрипом. Он замер. Прислушался. Сверху доносилось мерное гудение работающего оборудования и глухой, ритмичный звук. Бум. Бум. Бум. Барабаны. Сектанты проводили мессу.

Игорь выскользнул из люка, оказавшись в тени огромных турбин. Зал насосной станции поражал воображение. Потолок терялся во мраке, поддерживаемый колоннами толщиной с ракетную шахту. Вода давно ушла отсюда, оставив на дне многометровый слой ила, перемешанного с костями и мусором.

Прямо напротив, на стене, висел их символ. Красный Обелиск. Пятиметровая конструкция из переплетенных труб, внутри которых металось настоящее плазменное пламя, питаемое украденными аккумуляторами. Свет от него был болезненным, пульсирующим. Он отбрасывал длинные, дергающиеся тени десятков фигур.

Сектанты стояли на коленях лицами к Обелиску. Около сотни человек. Мужчины, женщины, дети. Все обнажены по пояс. Их тела были покрыты ожогами, язвами и причудливыми татуировками, нанесенными кислотой. Они раскачивались в такт барабанам и хором выкрикивали речевку: — Да пребудет в нас Излучение! Да очистит оно нашу скверну! Слава Воде Мертвых! Смерть Чистоте!

Игорь прижался к холодной станине насоса. Он видел цель. Серверная находилась на антресольном этаже слева, над главным пультом управления. Чтобы попасть туда, нужно было пересечь весь зал, подняться по открытой металлической лестнице и пройти мимо алтаря, где верховный жрец — огромный детина с электродами, вшитыми прямо в черепную коробку — совершал возлияния.

План проникновения трещал по швам. Зал кишел людьми. Любое движение на нижнем ярусе будет замечено.

Но препараты Соколова уже перестроили его биохимию. Страх высоты исчез. Страх обнаружения исчезал вслед за ним. Остался алгоритм.

Игорь посмотрел вверх. Колонны, поддерживающие свод, были покрыты густой сетью кабелей и технологических мостиков. Высоко под потолком проходила система подвесных платформ для обслуживания осветительных мачт.

Идеально.

Он начал подъем. Используя стыки бетонных плит и торчащую арматуру как ступени, он буквально побежал по отвесной стене зала. Его навыки скалолазания, отточенные годами жизни в руинах, позволяли распределять вес так, что сцепление обуви с крошащимся бетоном казалось магией.

Он двигался по периметру, вдоль стен, держась в мертвой зоне освещения Обелиска. Сектанты были слишком поглощены своим экстазом. Жрец на алтаре полосовал собственную грудь зазубренным ножом, разбрызгивая кровь на паству. Та ловила капли ртами, визжа от восторга.

Игорь добрался до первой платформы. Перекинул тело через перила. Платформа едва слышно качнулась. Он замер, превратившись в статую. Охрана на балконе второго яруса — двое стрелков в относительно чистых комбинезонах химзащиты — курили самокрутки, глядя вниз на толпу. Они находились в десяти метрах от Игоря. — Слышал, Патриарх хочет завтра провести Великого наружу, — сказал один, выпустив клуб сизого дыма. — Прямо под дождь. Испытание веры. — Сумасшедший ублюдок, — отозвался второй. — После такого даже самые верные начинают блевать легкими. Но посмотреть хочу. Давно свежего мяса не видел.

Они засмеялись. Смех здоровых людей среди толпы гниющих фанатиков прозвучал жутко.

Игорь использовал их разговор как прикрытие. Пока они смеялись, издавая шум, он переместился на пять метров вправо, к следующей колонне, возле которой шла вертикальная пожарная лестница на антресоли.

Подъем по лестнице был самым опасным моментом. Открытое пространство. Игорь дождался момента, когда жрец упал на колени, воздев руки к Обелиску, и вся толпа рухнула следом за ним в приступе коллективного экстаза. Сотни тел бились в конвульсиях на бетонном полу.

В этот миг шума и хаоса Игорь взлетел по лестнице. Двадцать пролетов за семь секунд. Руки и ноги работали независимо от сознания, управляемые мышечной памятью.

Он перевалился через ограждение антресольного балкона и вкатился под прикрытие серверных стоек. Здесь было прохладно. Гудели старые советские суперкомпьютеры, поддерживающие жизнедеятельность станции. Мигание зеленых лампочек на железных шкафах успокаивало. Порядок. Логика. То, чего не было в обезумевшем мире внизу.

Цель. Блокиратор магистралей. Большой рубильник аварийной консервации. Красная рукоять размером с кулак. Согласно инструкции Соколова, поворот на девяносто градусов перекроет подачу воздуха и воды в нижние залы, а запуск системы очистки создаст выброс хлористого этилена. Газ тяжелее воздуха. Он заполнит тоннели. Фанатики умрут во сне, захлебываясь пеной. Быстро. Почти безболезненно. Милосердие, которого они не заслуживают.

Игорь подошел к пульту. Система запрашивала код авторизации. Древний монитор с электронно-лучевой трубкой мигал курсором. *ENTER ACCESS CODE: ____

Игорь подключил к порту свой планшет. Программа взлома, написанная инженерами «Бастиона», начала подбор комбинаций. Миллионы вариантов в секунду. Время пошло. Препараты давали ему максимум два часа активной фазы в таком фоне. Потом начнут отказывать почки.

Внизу, под ревущими турбинами, продолжали греметь барабаны Красного Обелиска. Секта праздновала победу над здравым смыслом.

А высоко над ними, среди паутины проводов и мертвых мониторов, Инструмент ждал завершения вычислений. Его лицо было спокойным. Маска приросла к коже настолько плотно, что стала настоящим лицом. Души не было. Была только задача. Рубильник. Девяносто градусов. Спасение тысяч жизней ценой сотен.

Простая математика выживания.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.